

Нынешний российский ноябрь - весь по волнам свежих могильных холмов. Только простились с митрополитом Питиримом - пришло известие о кончине Леонида Филатова... Следом в траурной рамке пронзительные глаза Элема Климова... И вот смежил свои «вечные веки» поэт Юрий Кузнецов.

Один из самых глубоких и самых национальных русских поэтов последних десятилетий, ровесник Великой Отечественной (1941 года рождения), очевидец кубинского кризиса 1962 (служил тогда на Кубе) и, наконец, современник распада великой державы и народа, Юрий Поликарпович много писал о времени и вечности, смерти и бессмертии.

В известном смысле он мог бы быть назван «шестидесятником» - как раз в 1960-е он приехал в Москву из Краснодара, поступил в Литературный институт, издал первые сборники стихов. И сразу выбился из ряда вон. Как-то сразу всем стало ясно, что явился поэт не просто со своим голосом, своей темой, своим миром, но и не вписывающийся ни в какие рамки, группы, течения.

«Я в поколении друга не нашел», - категорично и печально скажет чуть позже молодой автор. Или, в другом стихотворении, еще решительнее:

*Звать меня Кузнецов. Я один.
Остальные - обман и подделка.*

И речь, конечно, шла не только об однофамильцах (Кузнецовы - из числа распространеннейших на Руси фамилий). Речь шла о поэтической, исторической, если угодно, единственности и одиночестве.

С первых книг главное впечатление от его поэзии можно было выразить тремя словами: талантливо, серьезно и неожиданно. Неожиданность заключалась не в одном лишь ярком даровании, но именно в серьезности. После нескольких десятилетий поэтического мелководья - го-

ворить ли о стихотворцах патриотического лагеря («поэтах русской резервации», по слову самого Кузнецова) или эстрадного рождественско-вознесенского круга - читатель кузнецовских стихов вдруг проваливался... Куда? То ли в самую глубину русской философской лирики, забытой, казалось, со времен Пушкина, Тютчева, Блока, то ли в экзистенциальные провалы современной философской мысли.

При этом непривычность проблем сочеталась с острой, угловатой необычностью поэтического слова. Поэт не использовал ни изысканных рифм, ни ломаных ритмов, ни «техногенных» метафор, почти стандартных для современных ему стихоплетов. Он был традиционалист во всем, писал классическим, временами былинным русским стихом, с годами все более замедленным и весомым, а результат оказывался куда оригинальней, чем у самых записных модернистов.

Время Кузнецова - уверен, именно так будут говорить историки русской поэзии и литературы - было трудным и трагическим для русского слова, как и для самой России. И поэт не искал способов уйти от этой трагедии и неизбежности. В одном из стихотворений в книге «Русский зигзаг» были такие слова:

*Души рассеянная даль,
Судьбы раздерганные звенья.
Разбилась русская печаль
О старый камень преткновенья.
Желает вольный человек
Сосредоточиться для Бога,
Но суждена ему на век
О трех концах одна дорога.*

После вечного боя

Памяти Юрия Кузнецова

Моск. правда. - 2003, - 25 нояб. - с. 12

*А на распутье перед ним
На камне подвига святого
Стоит незримый Серафим -
Убогий старец из Сарова.*

Да, дорога Юрия Кузнецова, поэта и мыслителя, неизбежно вела его к вере, к русской православной традиции. В 1999 году издан его стихотворный перевод «Слова о законе и благодати» - замечательного памятника древнерусской литературы. На рубеже третьего тысячелетия рождается дерзновенный замысел: поэтическая трилогия, включающая поэмы «Путь Христа» - опыт поэтического переложения и осмысления Евангелия (напечатана в год 2000-летия христианства), «Сшествие в Ад» (опубликована в прошлом году в журнале «Наш современник», с которым Кузнецов был наиболее тесно связан долгие годы) - и поэма о Рае, призванная стать завершением русской «Божественной комедии». Над ней поэт продолжал работать до самой кончины.

*Странно и сладко звучат не вечерние звоны.
Солнце садится, и тени ложатся на склоны.
Сладко и больно последние листья ронять.
Я возвращаюсь за письменный стол - умирать.
Отговорила моя золотая поэма.
Все остальное - и слепо, и глухо, и немо.
Боже, я плачу и смерть отгоняю рукой.
Дай мне смиренную старость и мудрый покой.*

...«Смерть, как жена, к другому не уйдет», - вспомнилась строчка из старых стихов Юрия, когда пришла весть о его смерти. Не ушли ни жена, ни смерть. Батима, красивая, стройная

казашка, жена поэта, сказала: «Знаешь, в момент, когда Юра умер, он стал вдруг похож на себя в точности такого, каким был, когда мы познакомились». А прожили они больше 35 лет... Такое бывает: минута ухода открывает в человеке самую его суть.

Юрий родился 11 февраля 1941 года (29 января по старому стилю), в праздник Игнатия Богоносца, в день смерти двух величайших русских богоносцев - Пушкина и Андрея Рублева. А скончался утром 17 ноября 2003 года, когда в церкви по уставу читалось то место Евангелия от Луки, где Спаситель говорит ученикам: «Не думайте, что есть и во что одеться, Отец ваш Небесный позаботится о вас». Именно так, по завету Христа, и прожил свою жизнь замечательный русский поэт Кузнецов, может быть, последний из наших настоящих поэтов.

Кузнецов Юрий (29.02.1941 - 17.11.2003)

25.11.03